

Кира Эртель

Бедовое наследство сестер Ольховских

Кира Эртель

Бедовое наследство сестер Ольховских

https://litres.ru/74741588
SelfPub; 2026

Аннотация

После выпуска из приюта Олеся Ольховская и её двенадцатилетняя сестра Ульяна получают неожиданное наследство: дом в Переславль-Граде. Вместо уютного особняка их ждет полуразрушенная развалина, а внутри — колючий, но привлекательный хранитель Дмитр, магический «карман» с бесконечными плантациями и предназначение, которое кажется абсурдным. В мире, где кофе считают «лютой гадостью», Олесе предстоит освоить искусство обжарки зерен, научиться управлять магией дома и найти свое место в высшем обществе города. Сможет ли она принять судьбу кофейницы или предпочтет продать наследство ради спокойной жизни в столице?

Содержание

Глава 1. Наследство 4
Глава 2. Друг или враг? 18
Глава 3. Предназначение 31
Глава 4. Карман 44
Глава 5. Ночные эксперименты 57
Глава 6. Кофейные ягоды 70
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Кира Эртель
Бедовое наследство сестер Ольховских

Глава 1. Наследство

Я с унынием разглядывала полуразрушенный дом, портящий своим фасадом центральную торговую улицу Переславль-Града.

Улька, которая всю дорогу от столицы вела себя тихо, с почтовой станции шла, крепко держа меня за руку, сейчас не выдержала и нетерпеливо подергала мой рукав.

— Олеся, мы долго будем тут торчать? — спросила она, капризно надув пухлые губы. — Я хочу есть. И спать! Ну Олеся!

Я лишь сильнее сжала ее ладошку, пока даже не зная, что ей сказать. Что вот эти развалины — наш дом? Нас выгнали из приюта, потому что я достигла совершеннолетия, но нам не выделили царской милостью жилье, мне не дали работы с регулярной оплатой, полагающейся сироте женского пола после выпуска и до замужества, потому что на нас внезапно свалилось наследство? А для законников наследство означало, что девица Олеся Ольховская в состоянии содержать се-

бя и младшую сестру Ульяну Ольховскую.

Ну вот сейчас мы стоим перед этим наследством: сгнивший фасад, провалившаяся крыша, потемневшие от грязи стекла.

Я поставила на землю саквояж с нашими нехитрыми пожитками, сунула руку в карман и достала из него два серебряных рубля — подъемные, которые выплатил нам приют. По рублю — мне и Ульке. Большие деньги. Можно на ночь остановиться в меблированных комнатах. Я видела такие, пока мы шли от почтовой станции сюда. А можно купить еды и устроиться спать в этом доме, считай, что под открытым небом.

— Олеся! — Улька еще сильнее дернула меня за рукав.

— Занесем вещи в дом и пойдем где-нибудь поедим, — решила я.

— Что, в этот?? — удивилась Улька, всем корпусом развернувшись ко мне.

— В этот, — печально подтвердила я. — И жить теперь будем здесь.

— Абалдеть! — выдохнула сестра.

И, к моему удивлению, со всех ног рванула к крыльцу.

— Весь дом наш? Весь-весь? — крикнула она, не решаясь тронуть ручку входной двери.

— Ну хоть кто-то рад, — пробормотала я. — Подожди, Уль, я сама открою.

Подхватила саквояж, подошла. Вблизи лучше не стало —

дом оставался все такой же развалюхой. Грустно вздохнув, я поднялась на три ступеньки крыльца. Плетения охранки на двери не было. Дом оказался совершенно пустым и беззащитным, даже духа его не ощущалось, и на мое прикосновение дом не откликнулся.

— Он пустой! — изумилась Улька. — Первый раз вижу дом без духа.

Я погладила полотно двери, прислушиваясь. Отклика так и не было. Я коснулась ручки, прикрыла глаза, сплетая простенькое охранное заклинание. После потянула дверь на себя, и она распахнулась, открывая перед нами небольшую пыльную прихожую.

Улька проскользнула вперед, пробормотав, что кошку нужно запускать первой, а раз кошки у нас нет, то сойдет и ребенок. Распахнула внутреннюю дверь и из прихожей попала в холл. Я еле поспела за ней, бросив саквояж у двери.

Прямо перед нами на второй этаж уходила деревянная лестница. Перила были сломаны и неаккуратно свешивались вниз. Часть ступенек отсутствовала, но при желании подняться наверх было можно.

— Ух ты! — с восторгом протянула Улька. — Какой красивый дом.

Я так не считала, но расстраивать сестренку не стала.

Мы обошли оба этажа. Начали с первого. Улька вцепилась мне в руку и, как на поводке, тащила меня вперед.

В большой комнате слева от входа сильно пахло прелым

деревом. Пол громко скрипел под ногами. Половина досок почернела от сырости, а в углу у окна одна половица провалилась совсем, обнажив темный зев подпола. Улька заглянула туда и тут же отшатнулась.

— Там что-то шуршит!

— Мыши, наверное, — пробормотала я.

Обои, когда-то, видимо, нарядные, в мелкий цветочек, сейчас висели лохмотьями. В одном месте прямо из стены торчал ржавый крюк, на котором в прошлом, наверное, висела картина или зеркало. Теперь на нем болталась лишь плотная паутина.

Я перешагнула через остов стула, от которого остались только спинка и одна ножка, соединенные под странным углом, будто переломанная рука. Улька обошла его по широкой дуге и выскочила в холл.

Странное помещение справа от лестницы оказалось еще хуже. Вдоль стены тянулась высокая потемневшая и рассохшаяся стойка. За ней — полки, явно предназначенные для посуды.

На полу вперемешку валялись обломки табуретов, щепки, какие-то тряпки, и все это было очень густо, как покрывалом, затянуто паутиной.

— Тут трактир раньше был, что ли? — Улька потрогала стойку и тут же отдернула руку — на пальцах остался темный след.

— Похоже на то.

За стойкой пряталась еще одна дверь. Мы заглянули.

Здесь была кухня. Удивительно целая для общего состояния дома магическая плита, две духовки, объемный хладник и разрушенная, сломанная, разбросанная мебель.

— Ого! — Улька сунула нос в хладник. — Сколько же сюда продуктов можно напихать, Олеся! И зона стазиса есть, а не только охлаждение и заморозка, смотри! Точно, тут был трактир.

Я оглядела и хладник, и плиту. Да, на такую технику мы бы денег скопили нескоро. Другой вопрос — зачем она нам? Приготовить кастрюльку супа и хранить ее в огромнейшем хладнике — расточительство.

— Наверх? — спросила Улька с таким азартом, словно мы не заброшенный дом обследовали, а сундук с сокровищами.

Лестница пугала больше всего. Оторванные перила свисали вниз, покачиваясь от сквозняка. Три ступеньки отсутствовали — вместо них зияли прямоугольные дыры, в которых угадывались балки перекрытия. Я осторожно шагнула на первую ступень, медленно перенося вес. Дерево застонало, но выдержало.

— Иди за мной, — велела я Ульке. — Ногу ставь туда же, куда я. И держись за стену.

— А стена не рухнет? — уточнила сестра, но послушалась.

Через провалившиеся ступени пришлось перебираться, вытягивая ноги и цепляясь за стену. Улька, маленькая и лег-

кая, справилась даже ловчее меня.

На втором этаже гулял сквозняк: крыша в коридоре в двух местах отсутствовала, и сквозь дыры виднелось бледнеющее вечернее небо. На полу под одной из прорех натекла лужа, в которой плавал раскисший кусок штукатурки.

Первая спальня еще сохранила остатки былого уюта. На стене висел обрывок ткани — может, когда-то это была портьера? — а в углу стоял остов кровати без матраса и с провисшей, будто гамак, сеткой. Улька немедленно села на эту сетку, та жалобно скрипнула, но не порвалась.

— Это будет моя комната! — заявила она.

— Уль, тут крыши нет. — Я показала на потолок, в котором зияла трещина и по краям трещины проступала чернота.

— Крышу починим! — отмахнулась сестра.

Вторая спальня встретила нас запертой дверью. Я толкнула — не поддалась. Пришлось толкнуть сильнее, и дверь печально скрипнула, правда, открылась только на ладонь: что-то подпирало ее изнутри. Я протиснулась в щель и увидела, что к двери привалился тяжелый платяной шкаф, рухнувший набок. Дверцы распахнулись, на пол высыпались какие-то истлевшие тряпки и выкатилось что-то круглое. Я наклонилась и уставилась на фарфоровую голову куклы с одним уцелевшим глазом. Вместо второго глаза была дырка, из которой торчал клок то ли ваты, то ли мышиного гнезда. По позвоночнику пробежал холодок.

— Жуть какая, — поежилась Улька, заглянув мне через

плечо.

В ванную мы сунулись и тут же вышли. Запах оттуда шел такой, что глаза слезились: воняло застоявшейся водой и плесенью. Ванна стояла на ржавых ножках, а внутри нее темнела лужа мутной зеленоватой жижи.

Третья спальня, самая большая, оказалась и самой разоренной. Здесь просто не было половины пола. Доски обрывались, и дальняя часть комнаты представляла собой открытый пролет на первый этаж. На уцелевшей половине валялись осколки зеркала и огарок свечи, вплавленный в пол.

— Красота, — сказала Улька, и я не смогла понять, серьезно она или издевается.

Спускались мы молча. Лестница на обратном пути показалась еще ненадежнее — одна ступенька все-таки хрустнула под моей ногой, я едва успела перенести вес на другую. Сердце заколотилось, и оставшиеся ступени я преодолевала, прижимаясь спиной к стене и проверяя каждую ногой, прежде чем наступить.

Улька светилась позитивом. Ее не печалили ни провалившиеся доски пола, ни битые стекла, ни местами отсутствующая крыша. Она лихорадочно оглядывалась по сторонам, словно видела перед собой не развалины, а уже отремонтированный красивый дом, который был когда-то у нас в глубоком детстве. Я уже не помнила, был ли. А вот Улька знала точно — был.

— Мне здесь очень нравится, Олеся, — с придыханием

сообщила сестра, когда мы остановились посреди холла.

Я немного ей позавидовала. Потому что сама была в ужасе. Моей магии не хватит, чтобы отремонтировать дом, и нет денег, чтобы пригласить строительного мага. Да вообще нет денег.

Хотелось сесть на грязные доски и заплакать, но из-за Ульки я не могла себе этого позволить. Я должна быть сильной, иначе ее снова заберут в приют. Значит, попаникую сегодня, посплю и завтра обязательно придумаю, что делать.

— Пойдем в трактир, Уль, — позвала я сестру, которая снова сунула нос в гостиную.

— Олеся, смотри! — восторженно воскликнула она, проигнорировав предложение поужинать. — Тут какой-то ларец!

— Какой ларец? — удивилась я.

Мы же недавно были в той комнате, и никакого ларца там не было.

Я шагнула внутрь и с изумлением уставилась на большую деревянную шкатулку, стоящую на полу посреди комнаты.

— Открывай! — потребовала Улька.

Я подошла ближе, уселась на пол рядом с ящичком. Осторожно прикоснулась к нему рукой — мало ли, вдруг на него наложена какая-нибудь недружелюбная магия. Шкатулка отозвалась теплом. Щелкнул замочек, и крышка слегка приподнялась, приглашая заглянуть внутрь.

Улька толкнула меня в бок, и я перестала пытаться про-

щупать шкатулку магически, а открыла крышку. Внутри лежал большой белый конверт. Я вытащила его, под ним обнаружилась книжка со странным названием «Руководство по эксплуатации рожковой кофемашины».

— Что? — Улька ухватила книжку и вытащила ее из шкатулки. — Кофемашина? Что это?

Я пожала плечами. Распечатала конверт и достала оттуда лист плотной бумаги, исписанный аккуратным разборчивым почерком.

«Дорогая племянница, — было написано там. — Если ты читаешь это письмо, значит, ты достаточно выросла и к тебе перешел мой дом. Я очень этому рада! Родственников в Руссии кроме тебя у меня нет, а мое личное счастье требует, чтобы я жила в совсем другом мире. Когда-нибудь я обязательно расскажу тебе про него, а пока прими в дар мой дом, а еще книгу с рецептами напитка, который в Руссии пока никто не пробовал. Если ты все сделаешь правильно, станешь законодателем моды. Кофе и кофейные напитки разойдутся по всему миру, и даже царская семья будет готова принимать тебя во дворце. Удачи тебе, моя дорогая племянница, надеюсь, совсем скоро у меня будет повод гордиться тобой. Твоя тетушка Анна Петровна Миронова».

Я уронила письмо на пол.

Да, тетушка Анна, вполне возможно, желала мне добра, но, видимо, прошло слишком много времени и все добро рассыпалось прахом.

— Ульк, пойдем ужинать, — устало сказала я.

— Пойдем. — Улька аккуратно положила странную книгу назад в шкатулку.

У выхода она обернулась, оглядела еще раз гостиную и громко сказала:

— Мы обязательно здесь все отремонтируем, слышишь, дом?

К моему изумлению, дом вздохнул, и я почувствовала слабое касание его духа. Улька ухмыльнулась и шмыгнула за дверь, а я постояла еще с минуту, надеясь подпитать дом собственной магией. Если он проснется, нам определенно будет легче с его ремонтом и обустройством.

Поужинали мы по соседству в небольшом уютном трактире. Назывался он «Горячий котелок». Точнее, сейчас «Горячий к телок», потому что буква «о» куда-то с вывески делась. Улька хихикнула, разглядывая надпись.

Внутри оказалось тесно и шумно. Судя по всему, жители торговой улицы любили по вечерам тут отдыхать. Вкусно пахло мясом, отчего желудок тут же напомнил, что последний раз мы ели утром на почтовой станции.

Веселая подавальщица усадила нас за маленький столик у стены, покрытый клеенкой с едва различимым рисунком. Рядом за кружками пива негромко переговаривались двое мужчин, а у стойки крупная женщина в переднике покрикивала на поварят, снующих туда-сюда из кухни с тарелками наперевес.

— Чего будете? — спросила подавальщица, когда мы устроились за столом. Задержала взгляд на Ульке и подмигнула ей. — Из горячего — куриный суп и картошка с мясом. Из холодного — соленья и пирожки с капустой. Чай, взвар.

— Мне суп и овощи на сковородке, если есть, — попросила я.

— Есть. С луком и грибами пойдет?

— Пойдет.

— А мне картошку! — Улька подпрыгнула на стуле. — С мясом! И пирожок!

Я открыла рот, чтобы сказать, что пирожок — это лишнее, но посмотрела на сестру и промолчала. Один пирожок нас не разорит. Наверное.

Ждали недолго. Подавальщица вернулась с подносом и выставила перед нами тарелки, от которых валил пар.

Суп оказался наваристым, золотисто-желтым, с кружками жира на поверхности, кусочками моркови и разварившейся лапшой. После целого дня на ногах, после пыли и запаха плесени, этот суп показался мне лучшим, что я ела в жизни. Хотя, может, мне просто очень хотелось есть.

Овощи подали в маленькой чугунной сковородке, которую поваренок принес прямо с плиты. Лук и грибы потемнели, карамелизовались, а сверху лежали ломтики кабачка и пара веточек тимьяна. Пахло так, что кружилась голова. Я подцепила гриб — он оказался маслянистым, чуть хрустящим по краям и мягким внутри, с дымным привкусом.

Улька расправлялась со своей картошкой молча и сосредоточенно. Картошка выглядела очень аппетитно: крупные куски лежали в густой подливе с кусочками мяса. Мясо, судя по всему, говяжье, было темное и мягкое, разваренное до состояния, когда оно расползается от прикосновения вилки. Улька ела, прикрыв глаза, и выражение ее лица было примерно таким же блаженным, как у кота, которого чешут за ухом.

— Вкусно? — спросила я.

— М-м-м, — ответила она.

Пирожок ей принесли отдельно, чуть позже. Пухлый, румяный, блестящий от масла. Улька надкусила его, и по подбородку потек сок от тушенной с морковкой капусты. Сестра жевала и мычала от удовольствия.

— Вытри подбородок, — сказала я.

Улька вытерла рукавом. Я вздохнула, но промолчала.

Напоследок нам принесли взвар — кисловатый, теплый, с привкусом шиповника и сушеных яблок. Я пила его мелкими глотками, чувствуя, как тепло расползается по телу, а вместе с ним приходит усталость. Тяжелая, вязкая, от которой наливаются свинцом ноги и хочется просто положить голову на стол и закрыть глаза.

Улька допила свой стакан, облизнулась и тихо сказала:

— Олесь, а давай мы сюда каждый день ходить будем?

— Каждый день у нас денег не хватит, Уль.

— А когда мы разбогатеем?

— Когда разбогатеем, заведем собственную кухню.

Я улыбнулась, хотя в «разбогатеем» верилось примерно так же, как в то, что наш дом завтра починится сам.

Сестра вздохнула, положила голову на сложенные руки и зевнула так широко, что стали видны все зубы. Я потрепала ее по волосам, расплатилась, забрала сдачу и потянула сестру за рукав.

К дому мы вернулись уже в темноте. Улица освещалась слабо, поэтому разглядеть дом было почти невозможно, но мне показалось, что фасад выглядит лучше. Наверное, просто очень этого хотелось.

Магического освещения внутри не было. Зайдя в прихожую, мы погрузились в абсолютную темноту, и мне пришлось щелкнуть пальцами, чтобы выпустить светлячка.

— Спать сегодня будем внизу, — сообщила я Ульке. — Постелем на пол пальто.

Хорошо, что мы приютские. Каких только условий не видели, и ночь на полу для нас совершенно не была проблемой.

Улька очередной раз зевнула, мотнула головой, соглашаясь, распахнула дверь гостиной, и мы обе замерли, открыв рты. Гостиная совершенно преобразилась. У дальней стены появился широкий диван, у окна — два кресла и круглый столик. Само окно обзавелось веселыми занавесками в цветочек. На полу раскинулся яркий цветастый ковер с длинным ворсом.

— Ух ты! — Улька сбросила обувь и пузом улеглась на

ковер, проведя по нему ладонями. — Я буду спать на полу!

Я пожала плечами. Тоже сняла туфли, прошлась босыми ногами по пушистому ворсу. Выходит, дом еще жив, значит, точно нужно искать деньги и нанимать мага-строителя. После реставрации и подпитки строительной магией дух дома окрепнет окончательно и сам сможет поддерживать порядок внутри — создавать обстановку, мебель, посуду, учитывая наши пожелания.

«О том, где брать деньги, подумаю завтра», — решила я. Стащила с дивана две подушки, бросила их на пол и устроилась на ковре рядом с Улькой.

— Олесь, дом нам рад, — сказала сестра. — Я это чувствую.

— Значит, приживемся, — ответила я.

Глаза слипались. Я повернулась набок и сама не заметила, как заснула.

А проснулась еще до рассвета, словно от толчка, четко понимая: в доме чужой.

Глава 2. Друг или враг?

Шум раздавался из кухни. Неужели вор решил, что в нашей развалюхе есть что брать? Я быстро поднялась с пола и тихо выскользнула из комнаты. На дверь наложила охранку: ни вор не пройдет, ни сестра не выйдет. Огляделась, подобрала с пола обломок лестничных перил — толстую палку с острым концом. За счет него этот кусок можно было считать не только колотящим, но и колющим предметом.

Зажигать светляка я побоялась, пришлось двигаться на ощупь. Тем сильнее меня поразило, что вор, в отличие от меня, ничего не стеснялся. На кухне горел яркий магический свет. Высокий парень с темными волосами по лопатки лихо сортировал продукты, рассовывая их в хладник. Да и кухня преобразилась: весь хлам с пола исчез. Вдоль стен стояла новенькая, пахнущая свежим деревом мебель. На окнах висели светлые льняные занавески. Пол блестел, как будто его только-только натерли воском.

Я так и замерла в дверях, не зная, что делать. А вдруг этот парень здесь живет? Вернулся домой, привез продукты, отремонтировал кухню, а тут мы. Свидетельство о наследстве лежало в саквояже, сбегать за ним, пока парень меня не заметил? Чтобы предметно спорить о том, чей же это все-таки дом.

— Что встала, помогай, — внезапно велел парень, так и

не повернувшись ко мне лицом.

— Чего? — Я от неожиданности чуть палку из рук не выронила.

Видимо, в моем голосе было что-то, что заставило нашего вора наконец обернуться.

Молодой, наверное, мой ровесник. В первый момент даже не поймешь, кто перед тобой — красавец или разбойник. Темные волосы небрежными прядями падали на лоб, виски и плечи, как будто расчески в жизни своей не видели. При этом выглядело это до обидного хорошо.

Лицо узкое, скуластое, с четко очерченной линией челюсти, переходящей в довольно упрямый подбородок. Прямой аккуратный нос, темные, чуть нахмуренные брови, то ли от привычки щуриться, то ли просто от вредного характера. Полноватые губы с капризным таким изгибом, из-за которого казалось, что парень вот-вот скажет что-нибудь язвительное. Или уже сказал, я просто не расслышала.

Но больше всего цепляли глаза. Карие, огромные, с тяжеловатыми веками, они смотрели на меня пристально и оценивающе.

Сколько ему — двадцать? Двадцать два?

— Ты драться пришла? — вроде как удивился он. — Давай попозже, сначала продукты разберем.

— Чего? — глупо переспросила я, окончательно растерявшись.

Парень выпрямился, сложил руки на груди, насмешливо

вздернув вверх правую бровь.

— Ты кто такой? — пошла я в наступление. — И что делаешь в МОЕМ доме?

— Дмитр. Извини, не представился. Продукты тебе принес. Ну и ремонт надо делать. Дом слишком долго был без хозяйки.

Я буквально физически чувствовала, как в моем мозгу бесполезно проворачиваются шестеренки.

— Зачем? — наконец выдавила я, понимая, что никак не могу нормально сформулировать вопрос, а поэтому в глазах этого странного парня наверняка выгляжу полной дурой.

— Дом сильно разрушен. Тебе опасно тут находиться без ремонта, — спокойно, словно увещевая душевнобольную, сказал он.

— Тебе это зачем?! — рявкнула я, выходя из себя. — Кто ты вообще такой? Почему приперся в чужой дом, а распоряжаешься как в своем?

Вот тут, к моему удивлению, парень растерялся.

— Так я ж это…

— Что?? — Я шагнула в кухню, наставив на него палку. — Ну что?!

— Хранитель кармана я. Когда дому плохо и тут нет хозяйки, нам тоже плохо. Без тебя ремонтировать дом было бессмысленно, а сейчас, раз ты здесь поселилась, я могу его отремонтировать и возродить погибшие связи с карманом.

Я почувствовала, что у меня задергался глаз. Хранитель

кармана? Какого кармана? Моего пустого, в котором чуть больше рубля осталось?

— Ты это, дыши! — внезапно встрепенулся парень.

Завертелся, откуда-то, я даже не поняла откуда, достал стакан и доверху налил в него воды. Подошел ко мне, протягивая стакан мне.

— На, выпей, будет лучше!

Я чуть было не возопила девиз сегодняшней ночи: «Чего-о-о-о?!» Но неловко дернулась, задела руку парня со стаканом, и вся вода вылилась на нас обоих. Рубашка облепила мою грудь, разом заставив меня ощутить себя раздетой. Мокрая грудь Дмитра тоже почему-то выглядела не очень прилично.

Со стороны холла взревела охранка. Следом раздался грохот и треск. Мы с парнем подскочили и в ужасе уставились на дверь, где уже через пару секунд показалась Улька. Вид у нее был заспанный, голова лохматая, а в руках она тащила палку в два раза больше той, которая была у меня.

Окинув нас хмурым взглядом, Улька брякнула:

— Извините, что помешала.

И ушла.

— Д-две хозяйки? — почему-то заикаясь, спросил Дмитр.

— Мне надо переодеться.

Я резво развернулась к выходу.

— Потом продукты разбирать приходи, а? — уже с просящей интонацией произнес Дмитр. — Хоть будешь знать,

что тут лежит.

— Ладно, — покладисто согласилась я.

Заодно с карманами разберусь. Да и вообще, кто бы он ни был, пока находится в этом доме, лучше пусть будет на виду. А то сделает гадость какую-нибудь, а мы и знать не будем.

Улька лежала на полу, пялясь в потолок. Я молча подошла к саквояжу, вытащила из него простое хлопковое платье, бежевое без рисунка.

— Это его дом, да? — хмуро спросила Улька. — Он выгонит нас отсюда?

— Да вроде нет…

Я сняла мокрую рубаху, повесила ее на спинку кресла. Стянула юбку. Вчера как была в дорожном костюме, так и легла спать. Сейчас я натянула на себя платье и взгрустнула, что нет зеркала. Вот у меня наверняка на голове воронье гнездо, а не художественный беспорядок.

— Уль, а как ты вышла из комнаты? — спросила я, когда сама уже подошла к двери.

— Попросила дом меня выпустить. — Улька перевернулась на бок. — Будь осторожна, Олеся. Парень, конечно, красивый, но такие сердце и разбивают.

— Эй, пигалица! — расхохоталась я. — Мое сердце надежно защищено от посягательств. Тебе, мудрая моя сестрица, переживать не о чем.

— Ага, — фыркнула Улька и закрыла глаза.

На кухню я вернулась улыбаясь. Дмитр бросил на меня

взгляд исподлобья и неожиданно спросил:

— Что вам сделать на завтрак? Пирожки долго, могу заварить кашу. Есть яйца, буженина, а хлеб через час начнет продаваться в двух домах отсюда.

— Ты хочешь приготовить нам завтрак? — Я уселась на табуретку, поставила локти на стол, а голову положила на сложенные в замок ладони. — Ты? Хранитель чьего-то кармана — приготовить завтрак?

Дмитр задумчиво кивнул головой.

— Справедливо. Готовь сама. А я ремонтом займусь.

Он поднял на стол тяжелый мешок с еще не разобранными продуктами и решительно пошел прочь из кухни.

— Стой! — Я вскочила и ухватила его за рукав, не давая выйти. — Прости. Мы действительно не с того начали. Просто раньше мне никогда не приходилось иметь дела с хранителями карманов и…

А вот тут Дмитр надулся, вырвал свой рукав из моих пальцев.

— Я о вас позаботился. Принес продукты, предложил приготовить еды, пока ты не привыкла к кухне. Начал ремонт. И никакой благодарности! Ты ужасная хозяйка! Нам не повезло с тобой!

Развернулся и вышел, хлопнув дверью так, что содрогнулся весь дом.

Я постояла, с минуту раздумывая, бежать ли за ним извиняться или заняться делами. И… пошла разбирать продук-

ты. И про завтрак он был прав, его следовало приготовить.

В мешке оказалось еще немало добра: связка сухих трав, крупы, крынка со сметаной, десяток яиц, переложенных соломой, глиняная бутылка молока, кусок масла в промасленной тряпице, небольшой бочонок меда. Я распихала все по полкам, попутно разбираясь, что еще лежит в шкафчиках и хладнике.

После оглядела плиту. Массивная, облицованная светлым камнем с четырьмя круглыми выпуклостями наверху, на которые, видимо, предполагалось ставить кастрюли и сковородки. Пользоваться такой я не умела: у нас в приюте была обычная дровяная печь. Я осторожно положила ладонь на гладкую каменную поверхность, и та мгновенно отозвалась мягким теплом, словно в ней дремал ручной зверек, который только и ждал прикосновения. По краю выступающего диска, ближайшего к моей ладони, пробежала тонкая голубоватая нить и свернулась в ровное кольцо.

Я убрала руку — нить погасла. Положила снова — вспыхнула. Занятно.

Так. Что мы имеем? Яйца, молоко, мука, масло, мед, земляника, буженина. Хлеб у нас тоже был, правда, ему два дня, мы его привезли с собой аж из столицы. Возиться с пирожками, как верно заметил хранитель чьего-то там кармана, времени нет. Каша — тоскливо. Утро и без того выдалось нервным.

Пусть будут оладьи. Горячие, пышные, с ягодами и ме-

дом. Буженину можно подрумянить на сковороде, порезать, а в оставшемся жирке поджарить черствый хлеб. Получатся гренки, которые повариха у нас в приюте называла «хрустяшки для лентяек». И взвар из трав.

Начала я с оладий. Достала глиняную миску, разбила туда три яйца, плеснула молока из крынки. Взяла пахнущую свежим деревом ложку и принялась взбивать. Ритмичные движения успокаивали. Подсыпала муки, не отмеряя, на глазок. Щепотку соли из берестяной солонки. Тесто густело, обволакивая ложку, и я подлила еще молока, доводя его до нужной вязкости. Ложка должна оставлять след, который медленно заплывает. Вот так. Идеально.

Пока тесто отдыхало, я занялась буженины. Кусок оказался знатный: плотный, розоватый на срезе, с тонкой корочкой. Он ароматно пах чесноком. Я нарезала его ровными ломтями, стараясь делать их не слишком толстыми и не слишком тонкими.

Нашла на полке широкую чугунную сковороду, тяжеленную, пришлось браться за ручку двумя руками. Поставила на выпирающий диск, тронула край, голубая нить вспыхнула, побежала по кругу и тут же истаяла, когда я убрала руку. Пришлось повторить все то же самое еще раз, пока плита не отреагировала на сковородку.

Дождавшись, пока посуда разогреется, я бросила на раскаленную поверхность кусочек масла. Тот зашипел, поплыл, растекаясь жирной золотистой лужицей. Ломти буженины

легли на сковороду с довольным шкварчанием. Я чуть прижала их лопаткой, дожидаясь, чтобы схватились корочкой, и оставила зажариваться. Пока мясо румянилось, нарезала остатки хлеба. Черствый, но для гренок — самое то. Когда буженина подрумянилась с обеих сторон и отправилась на тарелку, ломтики хлеба заняли ее место. Сковорода еще хранила мясной жир, и хлеб с наслаждением впитывал его.

Параллельно я поставила вторую сковороду, поменьше, тоже чугунную, но с длинной ручкой. Прогрела масло и вылила первый черпак теста. Оладушек расплылся ровным кругом и сразу пошел пузырями. Запах сдобного теста смешался с ароматом жареного мяса. Я подцепила край лопаткой, проверяя, чтобы снизу он стал золотистый и плотный. Перевернула. Первый оладушек, пухлый, румяный, я положила на чистую тарелку и накрыла льняным полотенцем, чтоб не остывал.

Дальше руки работали сами. Черпак, сковорода, пузыри, перевернуть. Черпак, сковорода, пузыри, перевернуть. Горка оладий росла, полотенце поднималось все выше. Гренки я сняла, выложила рядом с буженины. Хлеб впитал жир, подсох и теперь хрустел при малейшем прикосновении. Красота.

Осталось самое приятное — ягоды. На нижней полке хладника стояла берестяная коробка с темной лесной земляникой. Мелкой, ароматной, уже чуть помятой с дороги. Я высыпала горсть в маленький ковшик, добавила ложку меда

и поставила на самый краешек согревающего диска, на слабый жар. Помешивала, пока ягоды не пустили сок и не начали лопаться, превращаясь в густую темно-красную кашицу. Попробовала — кисло-сладкое, с терпкой земляничной ноткой, от которой сразу защипало язык. То, что нужно.

Последним делом — взвар. Среди сухих трав, что принес Дмитр, я опознала мяту, чабрец и листья смородины. Отломила по веточке каждой, бросила в глиняный кувшин и залила кипятком. Крышку закрыла, пусть настаивается. Потом меду добавлю, когда чуть остынет.

Стол я накрывала с непонятным самой себе удовольствием. Может, потому, что впервые за долгое время это был мой стол, в моем доме, на моей кухне. Пусть дом — развалина, а кухню отремонтировал незнакомый парень с дурным характером, но все-таки — мое.

Три тарелки. Три кружки. Оладьи горкой посередине. Рядом плошка с давлеными ягодами и маленький горшочек меда. Блюдо с подрумяненной буженины и хрустящими гренками. Кувшин со взваром, от которого поднимался тонкий мятный пар.

Я оглядела стол, уперла руки в бока и с чувством глубокого удовлетворения кивнула. Хорошо. Даже красиво. Пожалуй, Улька выползет на запах сама, а вот хранителя чужих карманов придется искать.

К счастью, он не прятался, а чем-то гремел на втором этаже. Уже рассвело, и солнечный свет заливал все комнаты и

кособокую, разбитую лестницу.

Я, аккуратно ступая, поднялась наверх. Лестница подо мной скрипела, но уже как-то по-другому — не жалобно, а скорее предупредительно, словно живая. Вторая ступенька сверху и вовсе оказалась новой, свежеструганной — белела непокрытым деревом среди своих потемневших от времени сестер.

Дмитр громил большую спальню. Из-за приоткрытой двери доносился громкий стук. Я заглянула в щель и замерла.

Комната напоминала мастерскую безумного плотника, в которой инструменты взбунтовались против хозяина. Десятка два разных предметов: доски, брусья, рейки — висели в воздухе, медленно покачиваясь. Каждый окутывало тусклое янтарное свечение. Мельчайшие опилки и древесная пыль клубились в солнечных лучах, превращая воздух в золотистый туман.

Дмитр стоял посреди этого хаоса, расставив ноги для устойчивости. С напряженной спиной и поднятыми вверх руками с растопыренными пальцами. Вот он повел правой ладонью вверх, и длинная доска послушно поднялась к потолку, развернулась, точно подгоняя себя к проему в перекрытии, и с глухим щелчком встала на место.

Я сунула голову в комнату и обнаружила, что потолок уже был сложен почти наполовину. Доски плотно прилегали друг к другу, а по стыкам медленно гасло то же янтарное свечение.

Я невольно перевела взгляд на Дмитра. Волосы у него взмокли и прилипли к вискам, на шее блестели капли пота. Рубашка потемнела на спине. Да уж, ремонт — это не завтрак приготовить.

Хранитель взмахнул левой рукой, управляя сразу тремя досками. Движения его рук напоминали работу дирижера, только вместо музыки из-под пальцев рождался дом. Каждый жест — точный, выверенный, и вслед за ним дерево двигалось, поворачивалось, находило свое место.

Не знаю, сколько я любовалась происходящим, когда в голову пришла мысль, что таращиться на вспотевшего парня из-за двери вообще-то не очень прилично.

— Там завтрак... — начала я, толкнув дверь.

И тут же втянула голову в плечи.

На меня обрушился грохот, словно кто-то опрокинул телегу с дровами. Все левитирующие предметы разом рухнули на пол. Доска задела плечо Дмитра, молоток угодил ему по ноге, а круглое длинное бревно прокатилось через всю комнату и замерло рядом со мной, намекая, что мне здесь не рады.

— …Готов, — договорила я совсем шепотом.

Дмитр бросил на меня сердитый взгляд. Осмотрел плечо. Фыркнул что-то неразборчивое. Я думала, он вытолкает меня за дверь, но вместо этого он первым пошел на выход.

На кухне уже уплетала оладьи Улька. Дмитр хмуро прошел мимо нее к хладнику. Достал оттуда мешок с замороженными

женной фасолью и положил его себе на плечо. А потом уселся за стол и выгреб на тарелку почти всю ветчину.

Мы с Улькой переглянулись и поспешили скрыть улыбки.

Я взяла последний кусок ветчины и гренку. Села. И сказала:

— Меня зовут Олеся. Это моя младшая сестра, Ульяна. Мы приехали из столицы, а там жили в приюте святой Марии. Никакого наследства мы не ждали, так что совершенно не знаем, что с ним делать.

Дмитр поднял на меня угрюмый взгляд. Дожевал ветчину и сказал:

— Я помогу.

— Будешь нашим братом? — звонко предложила Улька.

— Твоим — точно буду. — Взгляд хранителя чуть потеплел. — А вот ей, — он ткнул в мою сторону вилкой, — придется еще поработать над собой. ДО братания.

Глава 3. Предназначение

Посуду после завтрака кинулась мыть Улька.

Дмитр сидел за столом, подперев щеку кулаком, и глядел на нее, будто хотел сказать: как прекрасно смотреть на то, как работает другой человек.

Фасоль на его плече потекла, но неудобства от этого Дмитр не выказывал. Вздохнув, я сама сняла мешочек и отнесла в раковину: пусть размораживается, суп приготовлю. А на лужу у стула бросила тряпку.

— Не ожидал, что вы совсем ничего не знаете, — сказал Дмитр, когда я, налив себе вторую чашку взвара, уселась напротив него. — Но зато стало понятно, почему привязки с домом не случилось, когда вы в него зашли.

— Привязки? — встрепенулась Улька, повернувшись к нам. — Это как?

— Понимаешь, сестра… — чуть насмешливо протянул Дмитр. — Это не просто дом. Это дом-предназначение.

Улька всплеснула мокрыми руками, забрызгав все вокруг водой и мыльной пеной, но даже не заметила этого.

— Как это — предназначение? — спросила она.

На истории магии нам рассказывали о таких домах, но я мало что запомнила. Они были настолько редким явлением, сотворенным сильными волшебниками, что я и не предполагала когда-либо в принципе увидеть подобный дом. Что

уж говорить о том, чтобы получить его в наследство.

От Улькиного вопроса Дмитр погрустнел еще сильнее, провел ладонью по волосам, ероша их.

— Дом-предназначение — это дом, созданный для какой-то одной-единственной функции. И чтобы привязка с таким домом состоялась, хозяйка должна не просто владеть им по документам. Она должна сознательно согласиться принять функцию такого дома, согласиться взять на себя обязательства выполнять ее.

— Прекрасно, — вырвалось у меня.

— А какая функция у этого дома? — Улька отставила мокрую тарелку в сторону и подсела к столу.

— Он уникальный, — окончательно сник Дмитр.

— То есть его функция никому не нужна, я ведь правильно понимаю? — спросила я.

Ну конечно! Как можно было поверить в то, что нам достался подарок! Это всего лишь очередная обуза, и, видимо, придется сейчас быстрее решать, что с ней делать.

Дом, словно уловив мое настроение, грустно вздохнул. Улька почувствовала это и пнула меня под столом ногой.

— То, для чего предназначен этот дом, действительно в Руссии не распространено, — сказал после длительной паузы Дмитр. — Но ваша тетушка, Анна Петровна, вместе с моим отцом были в других мирах и видели, как популярно это там… В общем, отец создал этот дом для Анны Петровны.

— Ты сын нашей тетушки? — спросила я, с интересом

разглядывая Дмитра.

Ни одной черточки, которая бы выдавала в нем родство с нами, в лице хранителя не было.

— Нет, — покачал он головой. — Мой отец был вдовцом, когда встретил Анну. Он умер от магического истощения почти сразу, как сделал этот дом. Не понял, что создание предназначения забирает больше сил, чем обычная магия. А Анна после его смерти решила, что ей больно оставаться тут без него, и уехала. Поэтому дом на долгие годы остался без хозяйки.

— Наша тетка бросила тебя одного? — прошептала Улька.

— Выбора не было, — равнодушно ответил Дмитр. — Я пытался помочь отцу, когда ему стало плохо, и вмешался своей магией в плетение предназначения. Дом принял меня и привязал к карману. Я не могу покинуть это место, из кармана могу попасть лишь сюда, ну еще немного пройтись по улице, например, сходить к булочнику. Дальше поводок натягивается.

— Сколько тебе было лет, когда это случилось? — продолжала допрашивать Улька.

Мне эти вопросы казались бестактными, но Дмитру, наверное, стоило выговориться. Рассказать кому-то свою историю. В конце концов, не захочет отвечать, так и скажет.

— Восемь, — помедлив, ответил Дмитр.

— А мне четыре, когда умерли родители, — поделилась

Улька. — Но у меня была вот она, хоть и вредная, но сестра. И жили мы в приюте, где о нас заботились. А ты, получается, жил один?

— Анна какое-то время оставалась со мной. Но не в доме, а в кармане.

— А сейчас тебе сколько? — продолжала допрос Улька.

— Двадцать шесть. Я большой мальчик, сестренка. — Дмитр ухмыльнулся и подмигнул ей. — Жалеть меня не надо.

— А мне двенадцать, — задрав нос, сообщила Улька. — А Олесе двадцать один.

— Ясно. — Дмитр посмотрел на меня в упор. — Тебе нужно решить, что делать с домом. Я смогу его отремонтировать, но полноценно дух проснется только после того, как произойдет привязка.

— Так в чем предназначение этого дома? — спросила я.

— Это кофейная лавка, — сказал Дмитр.

И я захохотала. Ну точно, злая насмешка судьбы. Кофейная лавка!

Аж слезы выступили на глаза. Кому в Руссии нужна кофейная лавка? Этот странный горький напиток привозили ко двору. Родители еще были живы, и мне удалось попробовать глоток — лютая гадость, и, естественно, у нас он не прижился.

— Мой отец и Анна верили в это предназначение. Они пробовали кофе в других мирах и привезли книгу с рецепта-

ми разных кофейных напитков. Правда, Анна говорила, что использовать эти рецепты не обязательно, магия дома подскажет, какие ингредиенты подойдут, но как букварь для начинающих книга вполне сгодится.

Я с трудом заставила себя перестать смеяться, стерла рукавом слезы с лица. Как же мне было себя жалко! Мы с Улькой снова оказались у разбитого корыта.

— Я ничего не знаю про кофе, Дмитр, кроме того, что это — полнейшая гадость, которая не прижилась в Руссии. Мне очень жаль, правда. Но я не смогу взять на себя такое предназначение.

— Олеся! — всплеснула руками Улька, вскакивая. — Ты что?! Мы не можем бросить тут Дмитра одного! И дом бросить не можем. Мы все сироты, а главное правило сирот какое? Объединиться!

— Уля, кофе в Руссии не продается. На что мы будем жить? Нам нужна еда, одежда, образование для тебя!

— Не нужно мне никакое образование, — надулась Улька. — А еду нам Дмитр принесет, да ведь?

Она с надеждой уставилась на хранителя.

— Уль… — Я покачала головой.

— Понятно. — Дмитр встал, стукнул себя ладонями по бедрам. — Дом я вам все-таки отремонтирую, живите.

Он ушел, и уже через минуту сверху раздался стук.

— Мы должны взять дом себе, — с нажимом произнесла Улька. — Он нуждается в нас! Так рад нам! Олеся, ты не

можешь его бросить.

— Иди сюда. — Я встала и вытянула руки, чтобы обнять сестренку. — Уля, ты же понимаешь, что всех спасти нельзя?

Она сжалась в комочек в моих объятиях, а мне подумалось: какая она еще маленькая и хрупкая.

— Сейчас нам нужно спасти себя, — сказала я, обнимая ее крепче. — А когда сможем твердо стоять на ногах, тогда подумаем про дом и его предназначение.

Улька всхлипнула, вывернулась из объятий и вернулась к раковине мыть посуду.

А потом сбежала из кухни и, судя по скрипу лестницы, пошла к Дмитру.

Я допила взвар и оглядела кухню. Предназначения предназначениями, но нам нужен обед и ужин. Да и про завтрак можно подумать заранее.

Фасоль уже таяла в раковине, что же выбрать еще?

От разговора с Дмитром и Улькиных всхлипов внутри все перекрутилось в тугой узел, готовка хоть немного отвлечет от грустных размышлений.

Я заглянула в хладник, обозрела тяжеленный кусок говядины на кости, рядом с которым лежал еще один, поменьше, темно-красный на срезе. Морковь, лук, пара бледных крепеньких реп. Пучок укропа, уже чуть привядший. Яйца, молоко, масло. Крупы в шкафчике — гречка и пшено. Мука.

Я прикрыла дверцу хладника, прислонилась к нему спиной и уставилась в потолок. Итак. Фасоль уже оттаивает. Суп

сделаю на говяжьей кости, с морковью и луком. Дело это не быстрое, одну только кость надо вываривать часа полтора, не меньше, зато и варится она сама по себе. Вот и поставлю ее первым делом. Хлеба нормального нет, и денег, чтобы его купить, жалко, но есть же мука, напеку лепешек. Быстро, просто и к супу то, что надо.

На ужин пусть будет тушеное мясо: на него пойдет кусок без кости. Его надо будет обжарить, сложить в горшок с репой и морковью, залить и оставить в духовке до вечера. К вечеру мясо размякнет, овощи напитаются соком, и получится густое ароматное варево. Лепешки и сюда прекрасно подойдут.

А на завтра сделаю заливной пирог. Яйца, укроп, сметана есть. Тесто сделать просто, а остывший он будет даже вкуснее, чем горячий. Останется порезать, и завтрак готов без возни.

Я оттолкнулась от хладника, закатала рукава и потянулась за кастрюлей.

Ополоснула кость, положила в большую чугунную кастрюлю, которую обнаружила в нижнем шкафу. Залила холодной водой доверху и поставила на дальний диск. Коснулась плиты ладонью, и голубая нить уже привычно обежала край. Я провела пальцем вдоль диска, убавляя жар, пока свечение не стало едва заметным. Пусть закипает медленно, спешить некуда.

Пока вода нагревалась, я почистила морковь и лукови-

цу. Нож оказался острый до неприличия, полоснул морковку так, что она хрустнула и развалилась ровно надвое. Одну морковину и половину луковицы я отложила целиком — пойдут в бульон. Остальное нарезала: морковь — кружочками, лук — мелко. Это понадобится потом, когда мясо сварится.

Вода в кастрюле наконец закипела, и я сунула в кастрюлю кость. Подождала, пока на поверхности не появится серая рыхлая пена, сняла ее и выбросила в раковину. Подождала. Сняла еще. И еще. Как только бульон посветлел, бросила целую морковку, половинку луковицы для цвета прямо в шелухе, лавровый лист, пару горошин перца и накрыла крышкой, оставив щель в палец.

Все. Теперь часа полтора можно о бульоне не вспоминать.

Я переключилась на мясо для ужина. Вымыла кусок без кости, крупно нарезала. Если делать мельче, то мясо к вечеру развалится в кашу, а хотелось, чтобы оно оставалось мягкими кусками.

Разогрела чугунную сковороду, на которой утром жарила буженину, плеснула на нее масла. Когда оно пошло легким дымком, выложила мясо.

Обжаривала не торопясь, переворачивая каждый кусочек, пока не возьмется со всех сторон плотной темной корочкой. Не для вкуса даже, а чтобы сок внутри остался и не вытек при тушении.

Обжаренные куски переложила в глиняный пузатый гор-

шок, с маленькими ручками по бокам. Следом в сковороду, в оставшийся от мяса жир, высыпала нарезанный лук. Он сразу зашкварчал, впитывая все, что осталось на чугуне: мясной сок, масло, пригоревшие крупинки. Я помешивала его, пока он не обмяк и не начал золотиться. Добавила морковные кружочки, перемешала. Подержала еще минуты три, пока морковь не стала чуть мягче.

Репу я чистила, снова вернувшись мыслями к нашей ситуации. Нет, ну надо же, кофейная лавка! В Руссии. Нас трое: я, ребенок и парень, привязанный к дому магическим поводком. И мы, значит, должны торговать горьким пойлом, которое никому не нужно. Блестящий план, тетушка Анна. Просто блестящий. Сама-то сбежала от этого дома…

Репа под ножом разлеталась на ровные кубики. Я ссыпала их в горшок к мясу, туда же отправила лук с морковью, бросила веточку чабреца, посолила, залила горячей водой — не до краев, а чтобы мясо было прикрыто. Накрыла крышкой и сунула в духовку.

С духовкой пришлось повозиться, она отозвалась не сразу. Я положила ладонь на дверцу, подождала. Ничего. Положила обе ладони, слегка подтолкнула магией. Внутри что-то щелкнуло, и по контуру дверцы побежала все та же голубая нить, только тоньше и бледнее. Я приоткрыла дверцу, и изнутри сразу потянуло сухим теплом. Задвинула горшок поглубже и мысленно попросила духовку не усердствовать. Не знаю, поняла ли она, но вроде нить чуть померкла. Будем

считать, что поняла.

Так. Суп варится. Мясо томится. Руки свободны, голова — нет.

Лепешки. Они займут и руки, и голову, потому что тесто мне дается сложнее.

Я высыпала муку горкой прямо на новый, приятно прохладный стол. Сделала в горке углубление, вбила в него яйцо, плеснула молока, бросила щепотку соли и кусочек масла. Начала замешивать, сгребая муку с краев к центру.

Вообще-то тесто для лепешек, конечно, простое, послушное. Не то что дрожжевое, с которым как с капризным ребенком: и теплое место ему найди, и не трогай. Здесь все просто: месишь — получаешь. Я мяла его, складывала, снова мяла. Под ладонями оно становилось все более упругим, а когда перестало липнуть и стало пружинить под пальцами, я разделила его на шесть частей и раскатала каждую в круглую лепешку толщиной в мизинец. Сковороду разогрела сухую без масла. Лепешка легла на чугун и почти сразу начала вздуваться пузырями. Я ее перевернула. Улыбнулась светло-коричневым, как веснушки, пятнам. Готовую лепешку выложила на тарелку, накрыла ее полотенцем и взялась за следующую.

Шесть лепешек. Хватит на обед и ужин.

Теперь можно и пирог сделать.

Четыре яйца я сварила в маленьком ковшике. Пока они булькали, приготовила заливку: два яйца разбила в миску,

бросила туда ложку сметаны, муки и щепотку соли. Размешала до текучего, чуть гуще блинного, состояния. Вареные яйца остудила под холодной водой, почистила, нарезала кружочками. Укроп покрошила мелко, растерла в пальцах — сразу пахнуло летом и огородом.

Нашла жестяную форму, смазала маслом. Выложила дно яичными кружочками, присыпала укропом, залила тестом. Поверхность разровняла ложкой и отправила в духовку, подвинув горшок с мясом. Пирогу много не надо — поднимется, зарумянится, и готово.

Я вытерла руки, оперлась о край стола и прислушалась. Наверху стучал Дмитр — ритмично, размеренно, будто метроном. В кастрюле побулькивал бульон, наполняя кухню густым мясным духом. Из духовки тянуло укропом и топленым жиром. Красота!

Суп пора было заканчивать. Я подняла крышку. Бульон был прозрачным, золотистым. Я вытащила разварившуюся морковку и луковицу, без жалости их выбросила. Мясо сняла с кости, разобрала на волокна и вернула в кастрюлю, а кость тоже выбросила. Фасоль к этому времени полностью оттаяла — я промыла ее и высыпала в бульон. Следом — нарезанную утром морковь. Подождала минут десять, пока морковь не стала мягкой, попробовала бульон. Соль, перец. Еще соль. Вот теперь хорошо: густой, наваристый, с разваренными фасолинами и кусочками мяса.

Я налила остатки утреннего взвара в кружку, села за стол

и обхватила кружку ладонями. В кухне уютно пахло едой. За окном по улице прогрохотала телега. Со второго этажа доносился негромкий Улькин голос — видимо, она болтала с Дмитром, пока тот работал.

За все время, что я крутилась на кухне, я не поменяла решение. Принять предназначение мы с сестрой сейчас никак не могли. Наверное, можно попробовать найти покупателя на этот дом. Возможно, кому-то авантюра с кофейней придется по вкусу.

На лестнице раздался топот, и Улька почти ввалилась в кухню.

— Ух, как пахнет! — обрадовалась она и громко заорала: — Дмитр, иди обедать!

Ели мы молча. После обеда я планировала прогуляться по улице, познакомиться с соседями и, может быть, дать объявление о продаже дома. Но Дмитр после того, как отнес свою посуду в раковину, внезапно предложил:

— Хотите, карман покажу?

— Конечно! — взвизгнула Улька.

— Олеся? — Дмитр выжидательно смотрел на меня.

— Покажи, — после небольшой паузы согласилась я. Когда еще удастся посмотреть на такую магию вживую? — Но на мое решение это никак не повлияет.

Улька вздохнула, Дмитр грустно улыбнулся и кивнул в сторону двери, ведущей во внутренний двор.

— Смотрите, девочки, — сказал он, — если просто от-

крыть дверь, то у вас тут садик, я укроп посадил, петрушку, лук и морковь.

Дмитр распахнул дверь, показывая небольшой огородик и скамейку у забора.

— А если вы активируете вот это плетение, — он снова закрыл дверь, провел рукой напротив ручки, и она вспыхнула ярким зеленым светом, — то попадете в карман.

Он толкнул дверь, шагнул наружу и пригласил нас следовать за собой. Но даже еще не выйдя за порог, мы с Улькой ахнули и замерли, не веря своим глазам.

Глава 4. Карман

Прямо от двери вниз сбегал пологий склон холма, и везде, куда хватало глаз, тянулись ровные ряды невысоких темно-зеленых кустов. Они покрывали холм сплошь, как стежки на покрывале, спускались к подножию, взбегали на соседний склон, перетекали на следующий — и так до самого горизонта, где холмы один за другим таяли в золотистой вечерней дымке.

Солнце садилось. Огромное, оранжево-красное, оно висело низко над дальней грядой холмов и заливало все вокруг тяжелым медовым светом. В низинах между склонами стелился туман, невесомый, шелковистый, насквозь прошитый закатными лучами. Он путался в рядах кустов, обтекал редкие высокие деревья с раскидистыми кронами и тянулся вверх ленивыми золотистыми языками, отчего казалось, что холмы дышат.

— Тут вечер, — прошептала Улька.

— Карман живет по своему времени, — кивнул Дмитр, уже спустившийся с невысокого, в две ступеньки, крыльца на утоптанную тропинку.

— Это все... кофе? — Я обвела рукой горизонт.

— Кофе, — подтвердил он.

Вокруг стояла такая тишина, что я слышала собственное дыхание. Ни ветра, ни птиц, лишь далекий, едва уловимый

стрекот каких-то здешних насекомых.

Улька первой скатилась с крыльца, подбежала к ближайшему кусту и присела перед ним на корточки.

— Олеся, потрогай!

Я спустилась, подошла. Листья у кофейных кустов оказались плотные, кожистые, с глянцевым блеском, словно натертые воском. По краям они были чуть волнистые, с заостренным кончиком. Я провела пальцем по листу, удивляясь, какой он гладкий.

— А тут ягоды! — Улька раздвинула ветки, и я увидела грозди мелких плодов, без всяких плодоножек, плотно сидящих прямо на ветке. Одни зеленые, твердые, другие розоватые. Третьи уже ярко-красные, размером с некрупную вишню, только вытянутые.

— Внутри каждой ягоды два зерна, — сказал Дмитр, подойдя к нам. — Их сушат, обжаривают, мелют и заваривают.

Я выпрямилась, огляделась.

Масштаб не укладывался в голове. Ряды кустов уходили во все стороны. Между ними виднелась рыжая рыхлая земля и ни единого сорняка, куда хватало глаз. Кое-где среди кофейных рядов поднимались высокие деревья с тонкими стволами и широкими кронами, дающими ажурную, подвижную тень.

— Притеняющие, — пояснил Дмитр, перехватив мой взгляд. — Кофе не любит прямое солнце, ему нужен рассеянный свет.

Я посмотрела на него. Потом снова на плантацию. Потом опять на него.

— Ты один все это?..

— А чем еще на привязи заниматься?

Дмитр усмехнулся. Сорвал красную ягоду, размял в пальцах. Под тонкой кожицей показалась светлая, кисловато пахнущая мякоть, а внутри — два зеленоватых зерна, прижатых друг к другу плоскими сторонами.

— Плантация почти постоянно дает урожай. Ягоды зреют не одновременно, поэтому собирать приходится регулярно.

Я представила, как один человек обходит эти бесконечные ряды, обирая ягоду за ягодой. Скулы свело от одной мысли.

— Пойдемте. — Дмитр бросил шкурку ягоды под куст и двинулся вниз по тропинке. — Покажу, где обработка.

Улька рванула за ним. Я пошла следом. Нет, одному человеку со всем этим не справиться, выходит, есть какой-то секрет?

Вблизи было особенно заметно, насколько ухоженная плантация. Ветки подрезаны, нижние побеги убраны, земля вокруг каждого куста взрыхлена. Кто-то бывал тут каждый день. И этот кто-то — один-единственный человек, который шел сейчас впереди нас, засунув руки в карманы? Не верю!

Тропинка вывела к небольшому каменному строению у подножия холма. Одноэтажное, с черепичной крышей и широким навесом, под которым стояли длинные деревянные столы с бортиками. На столах, разложенные тонким слоем,

сохли кофейные зерна — бледно-зеленые, очищенные от мякоти.

Рядом, на каменном помосте, выстроились холщовые мешки, набитые доверху и перевязанные бечевой.

— Сорок три мешка, — сказал Дмитр, не дожидаясь вопроса. — Под плетением стазиса, так что зерно свежее. Можно обжаривать и варить кофе.

Он подошел к ближайшему мешку, провел рукой, снимая стазис, и развязал горловину, зачерпнул ладонью. Зерна посыпались обратно с сухим шуршащим звуком. Серо-зеленые, матовые, шершавые на вид — совсем не то, что я ожидала увидеть. Пахли они тоже странно, похоже на недосушенный горох.

— Можно? — Я протянула руку.

Дмитр высыпал мне на ладонь горсть.

— И что дальше с ними делать? — спросила я, разглядывая продольные бороздки на зернышках.

— Жарить. — Дмитр широко улыбнулся и поиграл бровями. — И это целое искусство! Потому что жарить их можно по-разному.

— Расскажи. — Улька дернула его за рукав.

Дмитр присел на край каменного помоста, похлопал ладонью рядом с собой, приглашая присоединиться. Улька тут же плюхнулась справа от него, подобрав ноги. Я устроилась на мешке напротив, пересыпая зерна из ладони в ладонь.

— Ну вот смотри, Ульяна. Зерно, которое держит твоя

сестра, сырое, зеленое. Настоящий кофе из такого не получится, вся магия начинается, когда его бросаешь на раскаленную сковороду.

— На сковороду? — переспросила я. — Не в печь?

— На сковороду, — подтвердил Дмитр. — Чугунную, с толстым дном и без масла. Кофе жарится всухую, как семечки. И сковорода должна быть чистой: зерно впитывает любой чужой запах — пожарила вчера лук, а сегодня кофе будет луковый.

Улька прыснула.

— Сначала нужно секунд пятнадцать прокалить сковородку. Затем насыпаешь зерна тонким слоем, в два-три зерна толщиной. Насыплешь больше — нижние сгорят, верхние останутся сырыми. Дальше начинаешь непрерывно мешать деревянной лопаткой. Вообще непрерывно. Ни одно зерно не должно лежать на одном месте дольше секунды.

— Серьезно? — Я подняла бровь. — Ни на секунду не отвлечься?

— Ни на секунду. Отвернешься — и все, нижний слой подгорит.

Почему-то это вызвало у нас с Улькой приступ смеха.

— Ничего смешного, — фыркнул Дмитр. — Первые минут пять-семь ничего интересного происходить не будет, зерна будут просто сохнуть. Из зеленых они станут желтоватыми, бледными. А потом зерно начинает трещать!

— Трещать? — Улька подалась вперед.

— Трещать. Громко, как будто кто-то щелкает орехи. Это внутри зерна давление разрывает стенки. И резко изменится запах: травяной начнет исчезать, вместо него появится настоящий кофейный дух. Вот с этого момента, — Дмитр ткнул в Ульку пальцем, — начинается обжарка. Все, что до, — подготовка.

Солнце катилось к горизонту, длинные тени от деревьев ложились поперек тропинки. Дмитр щурился от косых лучей, и вокруг его глаз собирались тонкие, совсем не по возрасту, морщинки. Почему-то захотелось разгладить их, и я отвернулась. Дмитр определенно вызывал симпатию, но привязываться к нему нельзя. У нас с сестрой свой путь.

— И вот это самый важный момент за все время обжарки, — продолжал он, задрав вверх указательный палец. — Ты решаешь, какой кофе хочешь получить.

— Что значит — какой? — спросила Улька. — Он тут один, вот этот.

— Один, да не один, — ухмыльнулся Дмитр. — Например, ты можешь снять зерна сразу после начала треска. Зерно у тебя будет светло-коричневое, сухое, без блеска. Такая обжарка называется светлой. Кофе из нее кислый — не противно-кислый, а... — Он пощелкал пальцами, подбирая слово. — Ягодный. Фруктовый. Как будто откусила недозрелое яблоко, только приятнее.

— Зачем такой? — не поняла Улька.

— В светлой обжарке сохраняется больше кислот, а сте-

пень карамелизации зерна слабее, поэтому вкус раскрывается ярче. Но при этом напиток получается менее плотным и в нем чувствуются отчетливые фруктово-ягодные нотки.

— Серьезно? — Улька очень удивленно смотрела на Дмитра широко открытыми глазами.

А ведь ей кофе не доводилось пробовать, не знает она, какая это гадость… Как кофе может быть с какими-то там фруктовыми оттенками? Похоже, привирает наш хранитель.

— Есть еще один вариант, — продолжил рассказывать Дмитр. — Ты можешь подождать минуту-две после первого треска, тогда зерно потемнеет, станет коричневым и слегка блестящим. Это масло начинает выступать на поверхность. Такую обжарку называют средней. Кислинка никуда не денется, но к ней добавится и немного сладких нот. Карамель, орехи, мед.

Я хмыкнула. Точно врет. Никакой карамели в этой ужасно горькой гадости не чувствовалось, я же пила!

— И есть еще один вариант, — словно открывая страшную тайну, чуть понизив голос, произнес Дмитр. — Ждешь еще. Зерно темнеет, поверхность становится маслянистой, блестит, как мокрая. И тут будет второй треск. Тише первого, суше. Если первый — это «щелк», то второй — «хруст». Потрескивание такое, мелкое. — Он покрутил пальцами, изображая звук. — Это называется темная обжарка. Горечь, дым, шоколад. Кислинки уже почти не останется.

— Вот это больше похоже на то, что я себе представляла,

— пробормотала я. — Горечь, это точно про кофе.

— Угу. Только осторожно — от второго треска до угля полшага. Зерно теряет пятую часть веса, масло выходит наружу, и, если замешкалась — все, можно выкидывать, причем, скорее всего, и сковородку тоже.

— А дымит сильно? — спросила я, вспоминая не очень приятный кофейный запах.

Дмитр расхохотался. Откинулся назад, уперся ладонями в мешок и смеялся так, что Улька начала озадаченно переводить взгляд с него на меня.

— Дымит, — выдавил он наконец, утирая глаза. — Еще как дымит. Окна заранее открывай настежь, и все равно провоняет всю кухню. И шелуха будет лететь во все стороны. Найдешь ее потом в самых неожиданных местах. В волосах. За шиворотом. В солонке.

Улька захихикала.

— А еще, — Дмитр посерьезнел, — первые партии у тебя выйдут пятнистыми. Где-то темнее, где-то светлее. На сковороде жар неравномерный — снизу горячо, сверху холоднее. Как ни мешай, идеально не получится. Это нормально. Вкус все равно будет. Просто не такой ровный, как если бы...

Он осекся.

— Как если бы что? — Я подняла голову.

— Как если бы обжаривал маг-огневик, который чувствует температуру, — сказал он.

В его голосе мелькнуло сожаление. Я удивленно вскинула

брови.

— К дому прибивалась огневичка, — признался Дмитр. — Я разрешил ей пожить, пока нет хозяйки, и мы вместе жарили зерна.

— И где же она?

— Уехала, — равнодушно бросил Дмитр, а мы с Улькой переглянулись. Очевидно, развивать эту тему у нашего хранителя желания не было.

— В общем, когда обжарила до желаемого состояния, зерна скидываешь на металлический противень и мешаешь лопаткой, пока не остынут. — Дмитр выпрямился, встряхнулся, словно отгоняя от себя минутную слабость. — Если оставишь на горячей сковороде, зерна дожарятся сами: чугун долго держит тепло.

— А потом можно молоть и варить? — нетерпеливо спросила Улька.

— Нет. Потом зерна лежат. Часов пять, можно дольше. Сохнут, отдыхают. Выделяют газ после обжарки, а если сразу помолоть и заварить, вкус будет резкий, неприятный. Дай зерну отдышаться.

— Пять часов, — повторила я. — То есть утром пожарила — к вечеру готово.

— Именно. Или вечером пожарила, а утром у тебя свежайший кофе. — Дмитр поднялся, отряхнул штаны. — И хранить обжаренное зерно можно дней семь, не больше. Потом выдыхается. Так что жаришь понемногу, но часто.

Пару горстей за раз. Сковорода, лопатка, пятнадцать минут непрерывного помешивания. Окна настежь. Дым столбом. Шелуха в волосах. И так — каждый день.

— А ведь кроме обжарки их надо еще и молоть, и варить, — медленно проговорила я.

— Верно, — кивнул Дмитр. — Но сначала — обжарка. Без нее зерно просто горох.

Улька вскочила, подбежала к мешку, зачерпнула горсть зерен и понюхала.

— Горох и есть, — подтвердила она и чихнула от пыли.

Солнце почти село. Холмы из золотых стали лиловыми, и туман в низинах сгустился, укутывая ряды кустов мягкой молочной пеленой. Неправдоподобно красиво для места, которое пряталось за дверью в коридоре разрушенного дома на торговой улице Переславль-Града.

— Дмитр, — сказала я, глядя на темнеющие холмы. — А ты ведь любишь кофе, да? И какая обжарка тебе нравится?

Он помолчал. Потом негромко ответил:

— Средняя. Чтобы и кислинка, и сладость. Все сразу.

И почему-то мне показалось, что он говорил не только про кофе.

— Идемте домой? — спросила Улька. — Тут скоро совсем стемнеет, дорогу не найдем.

— Вот еще дорогу искать не хватало, — фыркнул Дмитр.

Он щелкнул пальцами. Звук получился неожиданно громким, мне показалось, что эхо разнесло его по всем холмам

в округе. Пару секунд ничего не происходило, и вдруг земля между кустами засверкала: из-под корней, из трещин в почве, из самой травы потянулась вверх мерцающая пыльца, словно кто-то растер в ступке лунный свет, подмешал к нему янтарь и чихнул на него. Крохотные искры плыли в воздухе, кружились, сталкивались друг с другом и разлетались, оставляя за собой тонкие тающие дорожки.

— Ух ты! — Улька с удивлением вертела головой.

Пыльца поднялась примерно до уровня колен, загустела и стала собираться в яркие полосы, которые еще через несколько мгновений сложились в границы тропинок: вот дорожка до дома, вот те, что идут между рядами кофейных кустов. Светящиеся ленты мягко пульсировали, и от них, как от нагретого солнцем камня, шло ровное тепло.

— Очень красиво, — согласилась я.

Дмитр прошептал что-то себе под нос, причудливым образом сложил пальцы на левой руке,

и небо над нами куда-то понеслось.

Сумерки схлопнулись в секунду. Закат на горизонте полыхнул оранжевым и разом погас, темнота упала на плантацию, как задернутый занавес. Следом небо прочертили тонкие, будто кто-то расцарапал темный свод раскаленными иглами, золотые штрихи, один за другим, быстрее и быстрее. Небо превратилось в исчерканный светом купол — дуги, полукружья, длинные изогнутые росчерки, все куда-то летело, кружилось, и казалось, что это не звезды движутся, а мы сто-

им внутри огромного волчка, который кто-то раскрутил изо всех сил.

Улька ахнула и вцепилась мне в руку. А я и сама забыла, как дышать.

Небо расчерчивалось и гасло, и снова расчерчивалось — день догонял ночь, ночь проглатывала день. Горизонт мигал: бледно-розовый, синий, черный, снова розовый. Солнце выныривало и тут же тонуло, как камень-блинчик по воде, раз, два, пять, десять прыжков. Тени от кофейных кустов метались по земле обезумевшими стрелками. А потом Дмитр опустил руку, и все разом остановилось.

Тишина ударила по ушам. Звездные черточки замерли, вздрогнули и рассыпались. Каждый росчерк распался на отдельные искры, и искры эти застыли, повиснув в черноте, как брошенная на бархат соль. Небо стало бездонным, огромным. Звезд оказалось столько, что между ними не осталось темноты, а над нами раскинулся невозможно яркий ковер от горизонта до горизонта.

Такого неба я не видела никогда. Ни в столице, ни в дороге, ни даже в самые ясные ночи, когда мы с Улькой тайком залезали на крышу приюта. Там звезды казались редкими гвоздиками, вбитыми в потолок. Здесь — сахарной пудрой, просыпанной чьей-то щедрой рукой.

— Десять суток, — буднично сказал Дмитр. — А снаружи все еще обед и нам надо сегодня доделать вторую спальню.

Улька молчала. Я покосилась на нее. Она с открытым ртом

разглядывала небо, и глаза ее блестели, словно две упавшие звезды.

— Дмитр, — сказала я тихо, — а можно так и оставить?

— Что оставить?

— Небо. Такое. Навсегда.

Он усмехнулся.

— Оно тут каждую ночь такое, Олеся. Просто раньше некому было смотреть.

Глава 5. Ночные эксперименты

Вторую спальню Дмитр действительно закончил к вечеру, а дом обставил ее для Ульки. Если комната, которую Дмитр делал для меня, выглядела безликой: ровные, выкрашенные неброской светло-зеленой краской стены, однотонные льняные занавески, простая, но добротная кровать с невысокой спинкой из светлой березы, платяной шкаф, стул и маленький столик у окна, то спальня Ульки заставила меня остановиться на пороге и пару раз моргнуть.

Дом, похоже, воспринял мою сестру буквально.

Стены он оклеил яркими, васильково-синими бумажными обоями с рассыпанными по ним белыми и золотистыми цветочками. Обои выглядели так, будто кто-то швырнул горсть полевых ромашек в летнее небо и они там застыли.

Невысокая кровать стояла у дальней стены. Ее украшало изголовье из темного ореха, в котором кто-то (дом? духи резных дел мастеров?) вырезал переплетение ветвей с мелкими листочками. Так тонко, что хотелось провести пальцем по линиям, проверить, не отломится ли лист. Над кроватью свисал полог из небеленого кружева, невесомый и чуть желтоватый.

Подушки, три штуки (зачем одному ребенку три подушки?!), горкой лежали у изголовья. Две обычные, в полотняных наволочках, а третья, маленькая, круглая, обтянута лос-

кутом с вышитым рыжим котом. Кот сидел, задрав хвост, и смотрел одним глазом с таким самодовольством, словно именно он здесь хозяин.

Я хмыкнула.

У окна, как и в моей комнате, стоял столик, только поменьше и с гнутыми ножками. На нем — жестяной подсвечник, выкрашенный в белый, и берестяная шкатулка. Пустая: я проверила. Рядом — стул с мягким сиденьем, обтянутым тканью в цвет стен, той же васильковой синевы.

В углу, где в моей комнате стоял просто шкаф, у Ульки расположился низенький комод из светлого дерева. Над комодом висела полка, тоже светлая, пахнущая свежей стружкой. Пока пустая, но Улька определенно ее быстро заставит. Где-нибудь найдет фарфоровую фигурку, или камушек с дыркой подвернется на дороге, или стеклянный пузырек необычной формы. Улька набьет ее доверху за неделю, это уж точно.

У меня пол был голым, а тут его укрывал тканый полосатый коврик в тех же синих и золотистых тонах.

Занавески были легкие, из хлопковой ткани в мелкую клетку, подхваченные по бокам льняными лентами. Ветер из приоткрытого окна шевелил их, и по стенам бегали косые солнечные полоски.

Я постояла посреди этой комнаты, сунув руки в карманы. Покосилась на вышитого кота. Кот ответил мне все тем же самодовольным взглядом.

В моей спальне стены, значит, зеленые. Мебель — «простая, но добротная». Ни тебе кота, ни кружева, ни полосатого коврика.

Обидно не было. Ну, почти.

— Олеся! — завопила снизу Улька. — Я есть хочу! Ты где?

— Наверху! — крикнула я. — Поднимайся, посмотри свою комнату!

Топот по лестнице оповестил о скором приближении урагана по имени Ульяна. Улька ворвалась, толкнув меня плечом, и замерла.

Секунды на две, не больше.

— А-а-а-а! — Улька бросилась на кровать, утонула в подушках, схватила круглую с котом и прижала к груди. — Олеся! У меня никогда! Ни-ког-да не было ничего такого замечательного, как эта комната!

Она вскочила и заметалась от стены к стене, открыла шкатулку, заглянула в шкаф, потрогала обои, погладила коврик, выглянула в окно и снова рухнула на кровать.

— Я никуда отсюда не уйду. Никогда. Даже замуж.

— Посмотрим, — усмехнулась я. — А пока пошли ужинать.

Улька чмокнула вышитого кота в нос и нехотя сползла с кровати. У двери обернулась и сказала тихо, серьезно, совсем не по-детски:

— Спасибо, дом.

Стены чуть вздохнули теплым, сонным вздохом, как довольный зверь, которого почесали за ухом. Улька улыбнулась и выбежала на лестницу, а я задержалась, положив ладонь на дверной косяк.

— А мне, значит, светло-зеленое? — пробормотала я.

Дом промолчал. Я хмыкнула и пошла вниз.

Дмитр уже сидел за столом. Вид у него был усталый.

— Может, тебе на пару дней вернуться в карман, отдохнуть? — спросила я, ставя перед ним тарелку с грибным супом.

Вторым блюдом в духовке томилась гречневая каша с луком, ее я собиралась подать после супа.

— Выгоняешь? — грустно спросил Дмитр.

— Нет. Просто ты выглядишь уставшим, — ответила я.

— Если ты не возражаешь, я бы переночевал у вас. На первом этаже, там есть диван. Мне нужно до конца расшевелить дух дома, чтобы облегчить ремонт, а для этого желательно какое-то время пожить в доме.

— Конечно, оставайся. Третью спальню можешь сделать для себя и жить здесь сколько угодно, — предложила я.

Конечно, двум девицам неприлично жить в одном доме с мужчиной. Но Дмитр почти что родственник и привязан к этому дому, нас в Переславль-Граде никто не знает, и что приехали мы вдвоем — тоже. Скажем, что он брат, и дело с концом.

Да и стесняться я его совсем не стеснялась. То ли при-

ютская жизнь тому виной, то ли наша связь с домом. Пусть привязку я так и не приняла, дом все равно признавал во мне хозяйку. А Дмитр был словно тем котом с подушки, который достался в наследство вместе с домом.

Суп и каша были съедены, взвар выпит.

— Спасибо, что помогаешь нам, — сказала я Дмитру и пошла с сестрой на второй этаж.

Поцеловала ее в лоб, распахнула дверь своей комнаты и хихикнула.

Дом перекрасил мне стены. Теперь они были не просто зеленые, по ним куда-то в глубину убегали кофейные кусты. Рисунок выглядел настолько настоящим, что я даже коснулась стены, проверяя, есть ли эта стена или вместо нее я вижу реальную плантацию.

Стена была.

Несмотря на усталость, спать мне не хотелось. Я погасила магический светильник, раздернула занавески и взглянула на небо. Звезды в нашем мире выглядели совсем не такими яркими, как мы видели в кармане.

Я думала о красивых и никому не нужных кофейных плантациях. Как и о никому не нужном доме. И Дмитре.

Вообще-то прямо сейчас нам с Улькой было не обязательно куда-то переезжать. Да она и ехать откажется, получив такую комнату в свое распоряжение. Так, может, попробовать приготовить кофе? Вдруг у нас получится вкуснее того, который я пробовала в детстве?

Готовлю же я мясо и супы без всякого предназначения.

А не получится, к осени продадим дом и вернемся в столицу.

В спине что-то зудело. От идеи заняться кофейными зернами окончательно истаяли остатки усталости и сонливости. А попробую-ка я прямо сейчас, пока все спят и никто не увидит моего позора, если я сделаю что-то не так.

Я вышла из комнаты и прислушалась: в доме царила тишина, похоже, и Улька, и Дмитр действительно уже спали. Что же, самое время для подвигов.

Я аккуратно, стараясь не шуметь, спустилась вниз. Вспомнила, как Дмитр учил активировать выход в карман, поводила ладонью напротив нужной дверной ручки. Все получилось с первого раза. В кармане сиял яркий солнечный день. Я думала, мне нужно будет спуститься к кирпичной постройке, чтобы взять зерен, но, к моему удивлению, один мешок стоял у самого крыльца. Хмыкнув, я вернулась на кухню за кастрюлькой, зачерпнула ею зерен из мешка и отправилась делать свое черное дело — жарить зерна.

Чугунную сковороду я взяла новую, которой еще не пользовалась, чтобы никакие запахи не испортили мой будущий шедевр. Вымыла сковороду дочиста — дважды, с песком. Вытерла насухо, поставила на диск. Голубая нить от моего прикосновения послушно вспыхнула.

Зерна я высыпала на стол и поразглядывала при свете магического светильника. Потом взяла горсть и насыпала в ско-

вородку так, чтобы зернышки легли в два слоя, не больше. Подхватила деревянную лопатку и начала мешать.

Первые минуты ничего не происходило. Зерна шуршали по раскаленному чугуну, перекатывались, постукивали друг о друга. Я водила лопаткой по кругу, подгребая от краев к центру и обратно, стараясь, чтобы каждое зернышко переворачивалось. Рука быстро устала от однообразного движения, и я переложила лопатку в другую руку.

Цвет начал меняться: зелень побледнела, уступая место желтоватому, похожему на недозрелое яблоко, оттенку. Запах усилился, и я поморщилась. Ну не может то, что так пахнет, быть вкусным.

Потом пошел дым. Сначала тонкий, едва заметный, но уже через минуту — густой и едкий, как от мокрых дров. Глаза защипало, и я свободной рукой толкнула оконную раму. Прохладный ночной воздух хлынул внутрь, потянув дым наружу.

И все время я мешала зерна не останавливаясь. Лопатка ходила по сковороде как заведенная. Стоило задуматься хоть на пару секунд — нижние зерна тут же темнели быстрее верхних. Я гнала их по кругу, переворачивала, подцепляла те, что норовили забиться с краю у бортика, и возвращала в общую массу.

Минут через пять зерна стали светло-коричневыми, и вдруг раздался негромкий щелчок. За ним еще один. И еще. И тут сковорода затрещала так, будто на нее насыпали горсть

мелких камушков. Зерна подпрыгивали, лопались с сухим хрустом. С них полетела тонкая серебристая шелуха, закружилась в воздухе, оседая на столе.

И запах разом изменился. Вместо кислой травы кухню стало затягивать дымным кофейным ароматом.

Я чуть не забыла мешать, заработала лопаткой снова. Зерна продолжали трещать, темнея на глазах. Их поверхность начала чуть поблескивать, и я вспомнила, что масло на поверхности — это признак средней обжарки. Дмитр велел снимать сразу после треска, если хочу светлую, или чуть подождать — для средней.

Я подождала еще с минуту. Треск стал реже, зерна еще на тон потемнели, и на некоторых проступил слабый, едва уловимый маслянистый блеск.

Пожалуй, хватит.

Я схватила сковороду обеими руками, чертыхнулась от того, что она была горячая, даже через тряпку, и высыпала зерна на металлический противень, приготовленный заранее. Лопаткой разгребла их в один слой, чтобы остывали быстрее. Зерна дымились, потрескивали, и от противня поднимался жар, как от печки.

Руки мелко дрожали. Получилось у меня или нет? Правильно ли я определила цвет, в нужное ли время сняла зерна с плиты?

Не разрешая себе переживать, я накрыла противень чистым полотенцем, оставив зерна остывать. Дмитр говорил,

им нужно постоять часов пять, прежде чем молоть. Значит, к утру как раз будут готовы.

Я убрала сковороду, вытерла со стола шелуху. Закрыла окно. Кухня еще пахла дымом и кофе, и этот запах, казалось, впитался в стены, в занавески, в мой собственный рукав.

Я поднесла запястье к носу, вдохнула. Я пахну кофе!

Ждать пять часов на кухне бессмысленно, вполне можно идти спать, тем более что теперь я ощущала и усталость, и ломоту в руках, не привыкших к такой работе. Я поднялась наверх, быстро ополоснулась: Дмитр успел запустить водопровод, хоть ванна пока и выглядела разгромленной. И буквально рухнула в кровать.

Проснулась рывком, как будто внутри меня сработал будильник. За окном еще была предрассветная серость. В доме тишина: ни скрипа, ни шороха.

Я умылась, переплела растрепавшуюся косу и на цыпочках спустилась в кухню.

Противень с зернами стоял на столе, накрытый полотенцем. Я приподняла край и снова вдохнула — запах стал глубже, спокойнее, без вчерашней резкости. Зерна совсем остыли.

Так, ну что теперь? Смолоть, залить кипятком, довести до пены, не кипятить. Сварю, но кто это будет пить? Гадость ведь. И если напиток окажется горьким и невкусным, это будет конец всей затеи.

Так, может, замаскировать кофе какими-то другими про-

дуктами? Будет вроде как и кофе, и не совсем.

Я открыла хладник и замерла, разглядывая полки. Молоко, в глиняной крынке густые сливки. Мед в берестяном бочонке, с оладьями мы его не доели. На дальней полке корица в полотняном мешочке.

Сливки. Мед. Кофе. Корица.

Я вытащила крынку, зачерпнула ложкой густые, чуть желтоватые сливки. Вспомнила, как очень давно, практически в другой жизни, взбивала похожие для кулича.

Хм… Ладно.

Я отсыпала горсть зерен в каменную ступку и стала молоть, налегая на пестик. Зерна хрустели, раскалываясь, и по кухне снова поплыл яркий кофейный запах. Сейчас я поймала себя на мысли, что уже не нахожу его неприятным.

Молола я долго: нужен был мелкий и ровный порошок. Рука уже ныла после вчерашней обжарки, и пестик норовил выскользнуть из пальцев, когда я решила, что темно-коричневый порошок, мягкий на ощупь, как мука, именно то, что мне надо.

Бросила в маленький ковшик четыре с горкой ложки этого порошка, залила холодной водой, поставила на самый слабый жар и стояла над ковшиком, не сводя глаз, ждала.

Сначала по краям побежали мелкие пузырьки. Поверхность чуть вздрогнула. Запах из ковшика пошел такой плотный, что казалось, его можно резать ножом. Темная жидкость начала подниматься, вспучиваясь шапкой светло-ко-

ричневой пены.

Я сдернула ковшик с огня. Подождала, пока пена осядет. Поставила снова. Пена поднялась — сняла. И еще раз.

Процедила через ситечко в кувшинчик. Кофейная гуща осталась в ситечке, а в кувшинчик потекла темная, почти черная жидкость, от которой шел пар. Я наложила на кувшин заклинания стазиса, после чего перелила сливки из крынки в глубокую миску, достала венчик. Из хладника вытащила кусок льда, остававшийся в морозильном отделении, обернула в полотенце и подложила под миску. Холод — это важно. Теплые сливки не взобьются, а превратятся в жирную кашу.

И начала взбивать. Венчик ходил по кругу, сливки под ним сначала просто плескались. Через минуту у меня разболелась рука: вчерашняя обжарка, утренний помол, а теперь еще взбивание. К концу дня я, похоже, не смогу даже ложку держать.

Сливки начали густеть. Сначала чуть-чуть, потом заметнее: масса побелела, венчик начал оставлять в ней след, который медленно заплывал. Еще через пару минут сливки пошли мягкими, чуть оседающими волнами. Ну на этом и хватит, если перебить, получится масло и придется делать все заново.

Я отставила миску и потрясла правой рукой. Пальцы мелко дрожали.

Достала три большие глиняные кружки. В каждую бросила по ложке меда, разлила кофе из кувшинчика, размешала,

чтобы мед разошелся. Ложка стукнула о дно, и по кухне поплыл новый запах: кофе, перемешанный с цветочной сладостью. А после я выложила сверху сливки. Зачерпывала их ложкой и аккуратно выкладывала на поверхность кофе. Белая шапка ложилась ровно, не провалилась, и это вызвало глупую, ничем не объяснимую радость.

Последний штрих. Я вытащила из мешочка палочку корицы, поскребла ножом — мелкая рыжая пыль осыпалась на белую пену. Теперь три одинаковые кружки стояли в ряд на столе. Темный кофе, белые сливки, рыжая корица. Пар поднимался тонкими нитями и таял в воздухе.

Я стояла перед ними и не могла заставить себя попробовать.

А если гадость? Если горько, кисло, если мед там не к месту, или зерна я пережарила, или перемолола слишком крупно или слишком мелко? А вдруг сливки перебиты и дадут масляный привкус? Что тогда? Что, если тетушка Анна ошиблась и кофе — это просто горькая дрянь, которая никому никогда не понравится?

Я обхватила кружку ладонями. Поднесла к лицу. Вдохнула.

Вопреки всем моим страхам, пахло вкусно.

Отхлебнуть я так и не успела: раздался топот, и в кухню влетела Улька — босая, в ночной рубашке, с отпечатком подушки на щеке и торчащими во все стороны волосами.

— Чем пахнет?! — Она закрутила головой. — Олеся, чем

так пахнет, я аж проснулась!

— Тише, Дмитра разбудишь.

— Да ладно, он как убитый дрыхнет, я мимо проходила. — Улька подскочила к столу, уставилась на кружки. — Это что? Ты сделала кофе?! С чем это?

— С медом и сливками. Уль, я не знаю, вкусно ли...

Улька схватила ближайшую кружку, подула на пенку, и рыжая пыль корицы разлетелась мелкими точками по сливкам. Я даже не смогла ее остановить — сестра сделала большой глоток и замерла. Глаза ее медленно расширились. Потом она опустила кружку, облизнула верхнюю губу, на которой осталась белая полоска сливок, и посмотрела на меня.

В этот момент я была готова расплакаться. Очевидно, ничего хорошего у меня не вышло. Но сестра удивила.

— Олеся, — сказала она. — Это самое вкусное, что я пила в жизни! Вкуснее взвара. Вкуснее горячего молока с медом. Вкуснее всего!

И допила кружку до дна.

Глава 6. Кофейные ягоды

— Зерна ты передержала, — сказал Дмитр, сделав глоток моего напитка. — Обжарка — это самое сложное, с первого раза ни у кого не получается. Но, если хочешь, будем учиться.

Сил на завтрак у меня не хватило, так что на стол я выставила творог, ягоды и мед, а еще сварила яиц, и они лежали в круглой миске посреди стола.

— Да ладно. — Улька сердито уставилась на хранителя. — Вкусно вышло.

— Для первого раза вкусно, — согласился Дмитр.

Он поставил кружку и взял с противня несколько зерен, покатал между пальцами. Одно разломил ногтем, понюхал.

— Вот смотрите. — Он показал нам с Улькой половинку. — Снаружи темное, внутри светлее. Значит, прожарилось неровно.

— Я мешала все время, — проворчала я.

— Мешала, но, видимо, неправильно. На сковороде жар снизу, и мешать надо так, чтобы каждое зерно переворачивалось, а не просто ездило по кругу. Вот эти зерна, — Дмитр выудил с противня несколько штук, — совсем темные и маслянистые. А вот эти, — он достал еще пару, — наоборот, недожаренные. Видите, нет блеска? Масло не вышло. Такое в напитке даст кислинку, травянистый привкус. Вот и полу-

чилось кисло и горько одновременно. В одной кружке пережаренные и недожаренные зерна перемешаны.

— Ясно, — буркнула я.

— И охлаждать, — добавил он. — Ты зерна на противень ссыпала и ушла. А они горячие, внутри все еще жарятся. Надо ворошить лопаткой, пока не перестанут дымить.

— Я думала, противень большой, холодный и они в один слой так остынут.

— Остынут. Минут через пять. За эти пять минут половина из средней обжарки уедет в темную. Поэтому нужно мешать, пока горячие. Это не сковорода, тут быстро — минуту-две, и готово.

Я наконец рискнула попробовать приготовленный мной же напиток. Да, горчит. И правда кислит. Странное сочетание, и ни мед, ни сливки вкус не спасли.

Дмитр уселся за стол, наложил себе творога, щедро облил его медом, после чего спросил у Ульки:

— А чем юная барышня планирует заняться сегодня?

— Не знаю, — насупилась она. — Олеся все время занята. Я бы прогулялась по городу…

— Не сегодня, — тут же подтвердила я. — Погуляем обязательно, но в другой день.

Улька выразительно указала Дмитру на меня взглядом и тяжело вздохнула.

— Хочешь, научу собирать кофе? — спросил Дмитр.

— Хочу! — тут же вскинулась Улька. — Конечно!

— Это совершенно безопасно, — предвосхищая мои возражения, сказал хранитель.

— Зачем нам еще зерна, если…

Я хотела сказать «если никто не собирается ничего из них готовить», но ведь я собиралась. Как раз думала потратить время до обеда на еще одну обжарку.

— Их все равно надо собрать, они же созрели. Полежат в стазисе до новой хозяйки.

Возможно, Дмитр ждал какой-то реакции с моей стороны, Улька вон тут же нахохлилась. Но мне нечего было на это сказать — да, к осени мы должны будем переехать. Сестре нужно учиться.

Доедали в тишине, а сразу после завтрака Дмитр забрал Ульку в карман. Я осталась с горой немытой посуды и смутным ощущением, что меня только что ловко обошли с флангов: с собой не позвали, а может, мне тоже было бы интересно.

Пока Дмитр и сестрица отсутствовали, я перемыла посуду, обжарила еще одну партию зерен и решила замесить тесто на пирожки.

Дрожжи развела в теплом молоке, добавила щепотку сахара и ложку муки, размешала и накрыла плошку полотенцем.

Отмерила муку. Просеяла ее через сито — мука полетела вниз легким облаком. Добавила соль, сделала посередине ямку, вылила туда поднявшуюся пенистую дрожжевую

смесь, вбила яйцо, плеснула растопленного масла. И начала месить. Тесто сначала липло ко всему подряд: к рукам, к столу, к деревянной ложке. Я подсыпала муки. Тесто смирилось с мукой, но не со мной — облепило пальцы и не отпускало. Я подсыпала еще, и минут через десять тесто наконец начало пружинить под руками.

Я плеснула сверху еще капельку масла, перевернула ком, укутала миску полотенцем и убрала в сторону от сквозняка, поближе к теплому боку плиты.

Улька с Дмитром вернулись часа через три.

Сестра ввалилась на кухню раньше Дмитра, с уляпанным бурыми пятнами передником, корзиной в руках и таким видом, будто только что спасла мир. Ну или по меньшей мере собрала его весомую часть.

— Олеся, смотри! — Она сунула корзину мне под нос.

Внутри лежали круглые, плотные темно-красные ягоды. Я осторожно взяла одну, помяла пальцами.

— Дмитр велел собирать только красные. Вот такие. — Улька вытащила из корзины ягоду и поднесла к свету. — Видишь? Равномерно красная, плотная, не мягкая. Мягкая — уже перезрела, в ней начинается брожение, и это плохо.

— Откуда слова-то такие взялись, — пробормотала я. — «Брожение».

— Дмитр научил. — Улька поставила корзину на стол и уселась рядом, сложив руки перед собой. — Зеленые тоже нельзя, они кислые и невкусные и, если попадутся, испор-

тят всю партию. Надо каждую ягоду осматривать отдельно. Вот так, — она показала двумя пальцами, как щипают, — берешь и тянешь. Если спелая, сама отходит. Если зеленая — держится.

— И долго вы так щипали?

— Очень, — вздохнула Улька с нескрываемым удовольствием. — Дмитр говорит, хороший сборщик за день набирает килограммов семь, а у меня пока вот. — Она кивнула на корзину. — Но у меня руки маленькие, это объективный факт!

Дмитр зашел следом, поставил у стены еще одну корзину — побольше и, судя по весу, полную. Пригладил волосы, бросил на Ульку взгляд.

— Ей сказали не есть.

Я посмотрела на сестру. Та немедленно нашла на потолке что-то крайне интересное.

— Уль.

— Я только одну попробовала. Для понимания вкуса.

— Одиннадцать, — поправил Дмитр без всякого выражения. — Я считал.

Улька вскочила со стула и с достоинством удалилась из кухни. Дмитр с усмешкой проводил ее взглядом.

— И что делать с ягодами? — спросила я.

Хранитель повернулся, кивнул на корзину.

— Сначала нужно перебрать, убрать мятое, зеленое и попавшее в корзину случайно, потом промыть. Дальше есть ва-

рианты. Можно высушить целиком. Разложим в кармане на солнышке, каждый день переворачиваем, и так недели три. Зерно внутри пропитается от мякоти — получится слаще, насыщеннее, но и возни больше: не уследишь за погодой или перевернешь не вовремя, и придется все выбрасывать.

— А другой способ?

— Снять мякоть сразу, до сушки. Чище выходит, кислотность лучше чувствуется. Я обычно так и делаю. — Он покосился на дверь, за которой скрылась Улька. — Кстати. Не давай ей одной ходить между рядами. Она там ещё два куста обтрясла — просто так, из интереса.

Я закрыла глаза.

— Дмитр.

— Я предупредил, — сказал он и сбежал.

А я уставилась на корзинки. Помыть, перебрать…

— Улька! — высунувшись в холл, рявкнула я.

К тому времени, как сестрица вернулась на кухню, я высыпала обе корзинки в раковину.

— Помогай перебирать, — велела я ей, скидывая хорошие ягоды в большую кастрюлю, а остальное — в ведро.

Улька встала со мной рядом. Какое-то время мы работали молча, а потом сестра вздохнула, будто собиралась с духом, и спросила:

— Тебе нравится Дмитр?

— Конечно, — не моргнув глазом ответила я. — Он нам помогает, ремонтирует дом, с тобой возится. Настоящий

брат.

— То есть он тебе как брат нравится? — прищурившись, уточнила Улька.

— Ну а как кто, по-твоему, он должен мне нравиться? — хмыкнула я.

— Как мужчина. Женщине, — хмуро сказала Улька.

Я с улыбкой развернулась к ней.

— Ульяш, сначала мне нужно вырастить тебя. А потом уже думать о том, какие мужчины нравятся.

— Потом ты будешь старая, — насупившись, проворчала Улька. — А сейчас у нас есть рядом отличный мужчина, и ты вполне можешь постараться и сделать так, чтобы он тебе понравился.

— Зачем? — спросила я.

— Затем. — Улька стушевалась и нечаянно смяла в кулаке несколько ягод. — Мне нравится здесь. И Дмитр мне нравится. Вот было бы здорово жить всем вместе и дальше.

— Ульяна, тебе нужно учиться, — уже без улыбки сказала я. — А для этого нам нужны не только продукты, нам нужны деньги. На кофе их не заработать. А вот если мы продадим дом, хватит на небольшую квартирку в столице. Я найду там работу, пойду гувернанткой в какой-нибудь дом, а ты пойдешь учиться. Сейчас лето, Дмитр как раз закончит ремонт дома, чтобы он выглядел красиво для продажи.

— Я не хочу отсюда уезжать. И Дмитр наверняка не хочет, чтобы мы уезжали. И дом тоже!

Нижняя губа Ульки дрогнула, сестра развернулась на пятках и убежала, бросив меня наедине с урожаем.

— Маленькая ты еще, — прошептала я ей вслед. — Поймешь когда-нибудь, что я права.

Я закончила промывать ягоды, пересыпала их из кастрюли в широкую миску, поставила ее на стол вместе с еще одной, пустой. Уселась поудобнее, взяла первую ягоду и раздавила в пальцах.

Ягода поддалась на удивление легко. Стоило сжать ее, как плотная красная кожица лопнула и наружу выскользнуло скользкое, покрытое клейкой оболочкой зернышко. Точнее, два — они сидели внутри, тесно прижавшись друг к другу плоскими боками, как две половинки одного ореха. Бледно-зеленые, в тонкой пергаментной шкурке. Я бросила их в пустую миску, а размятую мякоть — в кастрюлю.

Взяла вторую ягоду. Третью. Десятую.

Занятие оказалось до одури однообразным. Сжать, выдавить, бросить зерна налево, шкурку направо. Сжать, выдавить, бросить. Пальцы быстро окрасились в бурый цвет, под ногтями скопился сок.

Некоторые ягоды упрямились. Стоило чуть промахнуться пальцами, и зерно не выскальзывало, а вминалось обратно в мякоть, приходилось ковырять заново. Пара штук оказалась подпорченными, с мягкой темной мякотью и кисловатым запахом подбраживания. Эти я выбросила.

Минут через двадцать мне удалось поймать ритм: левой

рукой я доставала ягоду из миски, правой давила, выдавленные зерна смахивала в миску тыльной стороной ладони, мякоть стряхивала в кастрюлю. Монотонность убаюкивала. Мысли текли медленно и лениво, как густой мед из горшка. Я начала размышлять, нравится ли мне Дмитр. И пришла к выводу, что, к сожалению, да, он мне нравился. Сам, внешне. Умные глаза, непослушные волосы до плеч, поджарая фигура, крепкие руки с тонкими запястьями и длинными пальцами. Нравилась его ненавязчивая забота. Его любовь к кофе, если задуматься, удивительная, ведь он занимался плантациями вынужденно.

Первая корзинка закончилась, и я взялась за вторую, ту, что побольше. От однообразного движения на руках затекали пальцы, не сильно, но время от времени приходилось их разминать, сжимая и разжимая кулаки. Ладони липли от сока.

Вторую корзинку я долущила, наверное, за час с лишним. Миска с зернами наполнилась почти доверху, зеленовато-белые, они лежали в мутной жидкости, покрытые слизистой пленкой. Пленку нужно снять, после залить зерна водой и оставить на ночь. За это время остатки клейковины размягчатся и отойдут, потом их нужно будет еще раз промыть и уже сушить.

Я залила зерна водой и отставила миску на край стола.

А потом посмотрела на кастрюлю с мякотью. Набралось прилично: красно-бурая масса была похожа на раздавленные

ягоды шиповника. Насыщенный сладковатый запах напоминал фруктовый, как от спелых слив или сушеных яблок.

Выбрасывать это добро рука не поднималась. Жизнь в приюте отучила меня разбрасываться едой, и если что-то пахнет приятно и не ядовито — значит, этому можно найти применение.

Я подцепила пальцем кусочек мякоти, лизнула. Сладкая, чуть вяжущая, с кислинкой.

Если высушить на противне, можно заваривать как взвар. Залить кипятком, настоять — и готов ягодный напиток. Вряд ли хуже того шиповникового, что нам давали в приюте.

А можно и проще. Уварить с медом, получится что-то вроде повидла. Густое, кисло-сладкое, в пирожки сгодится. Тесто-то подходит, и если я через час начну лепить, к ужину как раз испеку. А еще можно подсыпать щепотку корицы, должно получиться совсем вкусно. Будет нам десерт на пару дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.